

Странно, как все должно было вернуться на круги своя, как только Козин шагнул в портал и взглянул на голое каменное лицо своей усадьбы. Никогда еще Медвежья крепость не выглядела такой чужой и знакомой одновременно. Он задавался вопросом, так ли себя чувствовал Андрик.

Слова рыжего ведьмака эхом отдавались в его голове. «Никогда не влюбляйся». Что ж, он так и сделал — вышел и засунул голову себе в задницу.

Мастера приветствовали его по возвращении. Козин заметил, что некоторых из них не хватает, в том числе и самого высшего — Ундевара нигде не было видно. Когда Козин спросил о нем Роффе, маг торжественно взглянул на ведьмака и ответил: «Весь день было тихо, ужасно тихо. За последние дни гроссмейстер ни разу не пискнул».

"Почему?"

«Самые юные ведьмаки в этом году отправились на свои первые сезоны. Всё — тренировать больше некого».

«Никого не осталось...?» — повторил Козин, глядя на мрачную каменную крепость.

«Да, крепость давно не видела, чтобы в ее дверной проем входил ребенок. Во всяком случае, у нее достаточно средств, чтобы прокормить новое поколение. У нее достаточно, чтобы продержаться, и все. Мастер Бримир и горстка других вернулся на Путь. Эхо в зале стало глубже». Маг постучал Козина по руке и кивнул в сторону крепости. «Прежде чем уйти, сходите к гроссмейстеру, да? Ему не к лицу быть таким подавленным».

Когда он вошел, в крепости было тихо. Рофф был прав: это место почти вымерло. Настолько, что Козин даже заметил тихо передвигающихся домработниц. Они были единственными существами, оставшимися в гильдии.

Ундевара не было в кабинете. Дальше по коридору дверь в его спальню была закрыта. Козин легонько постучал по нему костяшками пальцев.

«Да», — последовал ответ. Козин толкнул дверь. Затем он понял, что за почти четыре десятилетия своей жизни он ни разу не был в комнате гроссмейстера. Козин почувствовал, что воздух пропитан знакомым запахом.

Ундевар сидел у открытого окна. Тусклый дневной свет коснулся его неподвижного лица, очерчивая каждую морщинку и трещинку. Подоконник окна украшал ряд фрезий в горшках. Их цветы нежно окрашивали воздух, перекликаясь с женскими духами.

— Добро пожаловать домой, парень, — поприветствовал Ундевар тяжелым голосом. Гроссмейстер поднялся со стула, но Козину казалось, что он, стоя, борется с тяжестью всего мира. Его толстые конечности двигались медленно и напряженно. То, как Ундевар держал себя, напомнило черноволосому ведьмаку тяжелое существо с серебристой шерстью, которое когда-то обитало в его снах. — Как твои глаза? Я вижу, Тейла проделала отличную работу, восстановив их.

— Да, — ответил Козин, когда Ундевар похлопал его по плечу. «Прошло некоторое время, но я наконец снова стал самим собой».

«Как тебе понравилась Винтрика? Красивое место, не правда ли?»

Козин кивнул, хотя вместо этого его разум мог вспомнить только ее красоту. Ундевар повел его за плечо в зал, где они медленно шли, разговаривая.

«А этот дракон... еще раз, как его звали?»

«Паскаль».

«Ах, да. Он все еще здесь?»

«Это дворец, полный волшебниц. По какой причине он должен был уйти?»

Ундевар усмехнулся. «Это мечта любого парня, не так ли? Хотя я помню, что Паскаль в основном держался особняком — он тихий зверь. Он внес свою долю наблюдения за миром. Я полагаю, что вещи, которые у него в голове, неоценимы. наблюдатель многое узнает. Но очень жаль, что он такой чертовски тихий».

Гроссмейстер выглядел немного странно. Он вел себя слишком весело, пытаясь скрыть тень внутри себя. Но Козин не подыгрывал. Если Медведь умирает, он хотел услышать это от самого гроссмейстера.

«Гроссмейстер, — медленно начал он, — мастера ушли».

«Да, это так», — тихо ответил Ундевар. «Им здесь больше нечего делать. Ведьмаков больше не надо тренировать». Словно в подтверждение его слов, из окна, мимо которого они прошли, открывался вид на главный двор — совершенно пустой. «В кузницах холодно. Доки пусты. Такое ощущение, что эта гильдия умерла, а я все еще живу в ее трупе».

«Не говори так».

Гроссмейстер вздохнул, который, казалось, исходил откуда-то глубоко внутри него. «Прости меня, парень. Я просто старею. Когда ты проживешь так долго, как я, смерть больше не пугает. Она просто утомляет».

— А что еще тебя беспокоит? — спросил Козин. Он мог сказать.

Ундевар остановился. Он повернулся к окну, положив обе руки на подоконник, как будто не доверяя силе собственных ног. Здесь была видна далекая береговая линия. Волны, очерченные пенистой белизной, плескались по бледному песку. «В последнее время мне снятся сны». Гроссмейстер сделал паузу, а затем задумался: «Ну, разве это не кажется нам знакомым, парень? Вот только роли, похоже, поменялись».

Козин замолчал. Он вспомнил тот давний разговор с гроссмейстером — и прошедшие дни. Он тогда был еще мальчиком, и Ундевар тогда казался таким сильным. Огромный колосс, могучий и непобедимый. Козин не знал, что произошло, но внезапно этот титан превратился в усталого старика рядом с ним. «Что за мечты?» он спросил.

«Я вижу в них своего гроссмейстера», — начал Ундевар. «Я вижу его, и он оглядывается назад глазами, которые выражают каждую мысль в его голове. Он говорит, что это я, мальчик, я — причина, по которой Медведь разрушается. Я слишком мягок, и я пошел против него. и каждый гроссмейстер до него. Когда-то мы были колоссами, - сказал он мне, - преодолевая все на своем пути - человека или монстра. Нас уважали, потому что нас боялись. А теперь... теперь, - говорит он, - я трачу свое время, выхаживая каждого щенка на мой порог, когда мне следовало сосредоточиться только на сильных».

Взяв руку с подоконника, Ундевар повернулся к Козину. «Возьмите, к примеру, вашего брата Ослана. Он прекрасный ведьмак, я могу сказать это без колебаний. Но он слишком эмоционален, и если бы мой бывший гроссмейстер стоял сейчас на моем месте, он бы позволил этому мальчику засохнуть в забытый угол. И Андрик - Фрейя, будь моим свидетелем, когда я говорю, что этот глайкитский дурак отдал бы последние капли своего бурдюка другому, даже если бы он тоже был на грани смерти. Он просто такой человек. Но Вальдре бы научили его хранить воду для себя, никому не доверять и наступать на других, чтобы получить выгоду. А ты...»

Козину показалось, что он что-то увидел в глубоких бровях гроссмейстерского лица. Что-то вроде печали, боли и... страха.

«Он бы превратил тебя в монстра».

Козин быстро сглотнул и посмотрел вниз, надеясь, что гроссмейстер не сможет прочесть его лицо. Его разум отступил к приятным мыслям, которыми, конечно же, стали карие глаза и золотые локоны. «Ну, его здесь нет», — констатировал Козин. — Да. Уважение, вызванное страхом, переоценено, гроссмейстер. Жизнь — это нечто большее. Ос счастлив, а Адди — тот человек, которым он должен быть.

Ундевар отвернулся к окну. — Действительно, — тихо пробормотал он. — Тогда, может быть, я делаю что-то правильно?

— Да, — подтвердил Козин, подходя ближе к старому ведьмаку и крепко сжимая его плечо. «Это другие гроссмейстеры сделали что-то неправильно, и они оставили вас в беспорядке».

«Говоря себе, это помогало мне оставаться в здравом уме на протяжении последних 66 лет», — признался Ундевар. Затем он убрал руки с подоконника и выпрямился. Под тусклым светом гроссмейстер внезапно превратился из слабого старика в высокого, неповоротливого ведьмака. — Не думай больше об этом разговоре, приятель, — сказал он, и его голос вновь обрел хриплый гул. — Эти вопросы тривиальны. Ни слова никому — ни мастерам, ни ведьмакам, ни Тейле, да?

— Гроссмейстер, не помешало бы с кем-нибудь поговорить, — предложил Козин, беспокоясь за здоровье старика. «Просто выставляю вещи на свет...»

«Мы так и сделали, парень. И, честно говоря, я не заинтересован в том, чтобы изливать свои чувства больше, чем это».

«Ты не можешь просто держать это взаперти внутри».

— Могу, — проворчал Ундевар, — и сделаю. Ни слова, говорю я. Должен ли я повториться?

«...Нет, гроссмейстер».

Ундевар отвернулся и пошел дальше по коридору. Козин последовал за ним. — Ты не можешь здесь оставаться, приятель, пока не настал сезон. Тогда иди.

"А вы?"

«Я буду здесь, если я тебе понадобится».

Козин догнал гроссмейстера. «Тебе не обязательно сидеть здесь и просто ждать, пока все вернутся. Отправляйся в Винтрику — проведи время с Тейлой, как она делает здесь зимой». Он

был уверен, что если бы волшебница знала, в каком положении сейчас оказался старый гроссмейстер, она бы в одно мгновение утащила его прочь.

«Из всей той ерунды, что вылетела из твоих уст, парень», — отмахнулся Ундевар. «Ей не нужен какой-то неуклюжий дурак вроде меня, занимающий ее рабочее место. Я слышал, что теперь у нее под крылом есть ученик».

"... Я слышал."

«Тогда ты должен знать, что она занятая женщина, особенно весной. А теперь хватит. Убирайся с острова, прежде чем я возьму на себя задачу вышвырнуть тебя».

Лошадь Козина была подготовлена, нагружена припасами и свеженачищенным снаряжением. Козин пополнил свои запасы и ведьмачьих зелий. Ветер подхватил парус и раздул парусину. Рябь потекла из-за лодки, когда судно набрало скорость и отошло от причала. На кассе Козин оглянулся. На берегу стоял гроссмейстер, молча прогоняя юного ведьмака, как он делал каждый год, начиная с первого сезона.

Прошло девять лет с тех пор, как Козин играл с чертом в игру логики и правды. Девять хороших, нормальных лет – или настолько нормальных, насколько могли бы быть годы ведьмака. Козину было достаточно времени, чтобы забыть те ужасающие вещи, которые показал ему Гюнтер О'Димм. Доверие к жизни, которое он имел, было восстановлено. Девять лет дали ему массу возможностей поохотиться вместе со своими братьями.

Все трое даже заключили совместный контракт, чтобы избавить благородную семью от василиска, который пробрался в семейный склеп и сожрал хранителя склепа. Это была долгая охота и опасная. Но когда все закончилось и чудовищный змей лежал мертвым на пыльном полу склепа, трое братьев смеялись от изнеможения. Так продолжалось до тех пор, пока Андрик со своим злым чувством юмора не решил швырнуть пригоршню только что дымящихся, гнилых кишок василиска прямо в лицо Ослану. Разумеется, белокурый ведьмак залез в разрезанное брюхо змея и повалил Андрика вниз, чтобы принести ему возмездие. И когда Ослан в своей триумфальной победе оттолкнулся от брата, Эгида бросилась покорно слизывать кровь с лица своего хозяина, прежде чем он смог ее удержать.

Они вернулись в Ан Скеллиг, чтобы провести более тихие ночи в доме Ослана. Они обнаружили, что кулинария Арды стоила того, чтобы отплыть обратно с континента. Тилли, теперь уже полностью взрослая овца, громко блеяла, когда Эгида жевала ее игрушки, и преподавала собаке урок сильным ударом головой.

А еще были ночи в тавернах Ард Скеллиг, где напиток яростно горел, и мужчины могли прекрасно петь свои застольные песни, даже будучи полностью и совершенно пьяными. После достаточного количества кружек трое ведьмаков ничего не знали, кроме того, что бросали друг в друга кулаки и просыпались с синяками и болью в костяшках пальцев.

Но когда дело доходило до посещения борделей, чтобы унять определенный зуд, Козин шел один. Ослан не пошел по понятным причинам, а Андрик все еще был слишком глубоко ранен, чтобы ходить так часто. У них обоих были схожие проблемы — некоторые женщины слишком заполонили их мысли, чтобы они могли полностью развлечься, хотя именно по этой причине Козин и оказался в этих надушенных комнатах. Он всегда напивался, потому что ему было легче забыть ее и сосредоточиться на мягких, плотских ощущениях, которые давала ему шлюха. И на всякий случай он всегда избегал золотоволосых девушек.

Затем, как будто они ждали своего появления девять лет, демоны Козина вернулись, чтобы

напомнить ему, что они все еще существуют. В этом году Козин провел сезон один. Ослан ушел домой, и все стихло. Андрик пошел своим путем, и Козин сделал то же самое. Той зимой они все собрались обратно в Медвежью крепость. Но что-то было не так, и они все быстро поняли, что это такое. Два месяца назад умерла овца Тилли.

Козин вздрогнул. Он знал, что Тилли стара: 11 лет — нормальная продолжительность жизни овцы. Он просто никогда не предполагал, что ее смерть наступит так внезапно. Он подумал о крошечном ягненке, который преследовал его повсюду и кусал его за ухо. Это существо исчезло.

Даже в замке Арда плакала, потому что, хотя Тилли никогда не была дочерью, она была любимым членом семьи. Ослан хотел успокоить ее слезы, но однажды потеря сильно ударила по ней, и его слова не смогли ее утешить.

И тут на холодном дворе появилась широкоугольная фигура гроссмейстера. Он сел рядом с плачущей женщиной, и она почти исчезла в его мехах, когда он обнял ее. «Оставь ее, парень», — сказал он Ослану. «Пусть плачет, пока горе не утихнет».

Козин прислонился к дверному проему, слишком неуверенный в себе, чтобы вмешиваться. Он слушал, как Ундевар продолжал разговаривать с обезумевшей женщиной.

«Потеря близкого человека разрушает меня, девочка. Я знаю это. Это больно, да. Не позволяя этому сдерживать тебя. Давным-давно это случилось со мной. «Это была маленькая девочка, еще ребенок. забрать ее так скоро».

— Что с тобой случилось? Арде удалось спросить сквозь слезы.

«Я недостаточно разбираюсь в жизни, чтобы знать это по-настоящему, — сказал Ундевар, — но, судя по тому, что рассказала мне ее мать, она родилась больной, изуродованной. Бедная девочка даже не могла стоять самостоятельно. Ее отец не был женат. своей маме и увидел в уродливом малыше еще один повод уйти». Ундевар обнял Арду, но Козин услышал шорох, когда гроссмейстер устало потер лоб. «Я проходил мимо, когда ее мама остановила меня. Схватила мою лошадь под уздцы, она была в таком отчаянии. У нее была услуга, о которой она не могла попросить ни одного мужчину в городе, поэтому вместо этого ей пришлось попросить незнакомца. Маленький ребенок умирал, Понимаете, в этом иссохшем теле долго не продержаться. Да, эта милость... — Гроссмейстер замолчал, словно задыхаясь.

Воцарилась гробовая тишина, пока все ждали продолжения гроссмейстера. «Это был трудный контракт, девочка. Сложнее, чем любой чудовищный контракт, который я получал. Ее мама хотела, чтобы я дал ребенку то, чего у нее никогда не было до ее отъезда — она хотела, чтобы я был ее отцом. Держу пари, что я совсем не похож на того, дура с гнилым брюхом, но ребенок не сможет сказать. А она все равно была слишком больна, чтобы знать лучше.

Ундевар глубоко вздохнул. «Поэтому я сделал то, что просила женщина. И эта маленькая девочка — ее голова была слишком большой, ее ноги были слишком маленькими. Каждый ее вздох звучал так, будто он забирал все, что у нее было. Было ужасно видеть, как ребенку приходится так существовать. ...Но, ей-богу, когда она увидела меня, у нее была самая яркая улыбка, которую я когда-либо видел. Она назвала меня "па" и сказала, что ее мама сказала, что я однажды вернусь. Она спросила меня, почему это заняло так много времени, и Мне нужно было что-то придумать. Это было что-то о том, что моя лошадь сломала ногу, и она сказала, что надеется, что ей стало лучше. Слишком мило — эта мелочь.

«Она спросила меня, можем ли мы поиграть с ее куклой. Это была красивая маленькая вещь.

Но она была слишком слаба, чтобы даже держать ее, поэтому я держал ее для нее. Она пыталась играть с ней, но вскоре даже разговор стал Борюсь за нее. Я сказал ей, что пора идти спать. Я приготовлю ей завтрак утром, сказал я ей. Она засыпает, но не засыпает. И пока она это делала, я продолжал говорить ей, что Я скучал по ней и был счастлив быть дома, что я был так рад, что она была моей дочерью, а я был ее отцом.

«Ее мама пыталась предложить мне монету, но я попросил только куклу. Она была рада с ней расстаться. Я сунул ее в седельную сумку и уехал — еще один контракт выполнен. Вот только этот заставил меня поехать далеко в лес, вдали от кого-либо. Я сидел под деревом и плакал до наступления темноты, потому что эта девочка действительно поверила, что я ее отец, и она ушла. С тех пор ее кукла была со мной».

— Это... это ту куклу, которую ты пытался подарить Тилли?

«Теперь оно потерялось и выцвело», — тяжело ответил Ундевар. «Точно так же, как и мои воспоминания о ней. Я даже не могу вспомнить ее имени». Он нежно похлопал женщину по спине. «Мне очень жаль, девочка. Я хотел подбодрить тебя, но рассказал тебе лишь печальную историю».

«Нет, это красиво», — ответила Арда, приносясь. «Ты изменил мир к лучшему для этой девушки».

«Да», — последовал тихий ответ.

Козин слышал, как Арда говорила еще что-то, но уже не следил за разговором. Он оттолкнулся от стены и поспешил глубже в каменную крепость, грозная туча ужаса собиралась глубоко в его животе. Он практически мог слышать голос Гюнтера в своих ушах, звенящий, как похоронный колокол.

Тот, кто помнит, что его оставила дочь. Все, что я сказал вам, — это истина.

Он был прав, понял Козин с бешено колотящимся сердцем. А в чем еще он был прав? Что еще?

Его ботинки быстро поднимались по ступенькам, пока он искал изолированный балкон, чтобы закурить трубку. Но когда он достал трубку, Козин понял, что зажигать ее бесполезно. Вместо этого ведьмак наклонился вперед, опершись локтями на колени и обхватив голову руками. Снег начал падать, но он не двигался.

Гелибол — небольшой реданский город, расположенный у подножия гор Пустельга. Путь Козина привел его туда, и Путь имел своеобразное свойство вести его к судьбе.

Город был почти таким же замечательным, как левая нога тролля, только пахло немного лучше. Немного. Поскольку город граничил с горами, его основная торговля вращалась вокруг угольной шахты, вырытой глубоко в горах. Что, конечно, не производило очень приятного запаха.

Козин начал молча предсказывать, с какими монстрами ему, скорее всего, придется столкнуться. Гелибол сидел у реки Нинмар. Козин знал, что в местах, расположенных рядом с водой, обычно возникают проблемы с утопающими. Или водяные ведьмы, если удача захотела быть сухой. Козин позаботился о том, чтобы трупного масла было достаточно. Единственное, что его беспокоило, это то, что здешние люди попытаются выманить у него и без того дешевую цену за головы утопающих. Хотя в горах обитали более дорогие монстры, такие как драконы и грифоны. А шахта, вероятно, привлекала гигантских многоножек и других роющих существ.

При мысли о грифонах Козин вспомнил, когда он в последний раз сражался с одним из них. Это было у реки недалеко от Блавикена. Ведьмак тяжело выдохнул через нос, когда в его сознание вторглась дополнительная часть воспоминаний, которые он долго и упорно боролся за сохранение в глубине души.

Козин, въехав в город, не удосужился спешиться. Запах форелевого жира и горящего угля был отвратительным. Как обычно, люди избегали его взгляда. Никто не остановил его, пока он медленно вел лошадь по улицам. Следующим вариантом было проверить доску объявлений или завязать разговор в местной таверне.

К доске объявлений было прикреплено лишь несколько заметок, покорно развевающихся на ветру. Одно было от фермера, который искал кого-нибудь, кто поможет ему починить забор. Волки ворвались сюда несколько ночей назад и забрали одну из его овец. Другой объявил о каком-то собрании в мэрии, которое должно было начаться через несколько дней. Последнее было от матери, которая искала невесту для сына, от чего Козин фыркнул. Он повернулся и повел лошадь, следуя по запаху алкоголя, к таверне Гелибола.

Вонь угля и земли не утихала, когда Козин вошел в ее двери. Был полдень, и шахтеры хлынули сюда из туннелей, чтобы отдохнуть. Их отличали от других посетителей закопченные лица и грязные руки. И по их громкости.

Присутствие Козина их, похоже, не смутило. На самом деле, они, похоже, были этому рады, судя по тому, как они улюлюкали и подзывали ведьмака. Козин давно не выпивал в хорошей компании, поэтому согласился. Шахтеры были веселой компанией, и им было что рассказать. Они рассказали Козину, как ведьмак несколько лет назад разминировал шахты шалмаара.

«Не знаю, как вы это делаете! Эта штука была практически сделана из камня!» заметил один шахтер. «Но, конечно же, этот ублюдок выбегает наружу и гонит эту тварь, как пастушью собаку. Уничтожил ее на наших глазах!» Ударив кружку по столу, он воскликнул: «Черт!»

Козин вытер пивную пену с бакенбардов. «Похоже, это была чертовская драка». В уничтожении шалмаара не было ничего такого, над чем можно было бы смеяться.

«О, ты уверен, что это была задница твоей мамы!» ответил другой шахтер. «И это еще не самое странное, что видели на шахте!»

«Есть что-то еще?» — заинтригованно сказал Козин. Станные вещи означали монстров, а монстры означали монеты.

«Да, есть», — сказал шахтер напротив него. Затем он наклонился вперед и продолжил: «Девушка».

«Девушка?» — повторил Козин с меньшим энтузиазмом, его надежды на достойную зарплату таяли.

— Следи за своим чертовым тоном, ведьмак! — рявкнул шахтер слева от него. «Это не обычная девчонка! Она стыдит каждую девушку, которую я когда-либо видел, да! Чуть не проткнула мне руку киркой, увидев ее!»

"Это верно!" вмешался другой. «Могу поклясться, что она была Мелитэлой во плоти! На самом деле, я ей это сказал! Она очень мило посмеялась!» Он выглядел довольным собой, что заставило остальных ворчать с отвращением.

«Заткни свою дырку, Аспен. От твоего вчерашнего сладкого разговора с ней меня чуть не стошнило».

«И она сразу же мило поговорила!» Аспен ответил самодовольно. «Не пытайся снести высокий дуб только потому, что у тебя есть все шансы, Ноулс».

«Вынь голову из своей гребаной задницы», — проворчал в ответ Ноулс.

Козин пододвинул кружку к краю стола, когда подошла буфетчица с добавлением. «Так что же такая девчонка делает в шахтах?» он спросил.

«Не знаю», — сказал другой шахтер, пожав плечами, прежде чем поднести кружку к губам.

«Это потому, что многие из вас были слишком заняты, глаза на нее и волоча челюсти по земле», — проворчал в кружку самый старший из шахтеров, с сединой на висках. Казалось, он меньше всего очарован этой странной женщиной. «Она спрашивала, не заболел ли у кого-нибудь из шахтеров кашель. Я рассказал ей об Эмиле».

«Черт, если бы кашель вызвал такую вкуснятину, я бы разбил себе легкие!»

«И если бы ты это сделал, это было бы чертовым благословением для всех нас», — огрызнулся старый шахтер. — В общем, ведьмак, она спрашивала про кашель. Сказала, э-э... дай-ка подумать... верно, сказала, что учится на целительницу.

Козин содрогнулся всем телом, когда он снова заглотнул свой рот кружкой. Он вытер пиво, капающее с губ, и повторил: — Целитель, говоришь?

— Да, — ответил старый шахтер, озадаченный странной реакцией ведьмака. — Что-то тебя смущает, ведьмак?

Козин покачал головой. «Нет, я просто... эль испортился».

«Ах, со мной случилось то же самое!» — сказал Аспен, сочувственно кивнув.

Козин откашлялся, со скукой отмахнулся от мухи, севшей на край его кружки. «Эта девушка, — сказал он, — как она тогда выглядит?»

«О, приятель », — сказал шахтер протяжным голосом. «Хочешь знать? У меня задница, которая идеально помещается в мужской руке».

«Сиськи такие пухлые, что их изгибы видны сквозь эту воздушную блузку», — добавил другой. «А волосы такие мягкие, что хочется просто обернуть в них руки».

"Какой цвет ее волос?" — небрежно спросил Козин.

"Ага!" Ноулс рассмеялся. «Ведьмак не оставляет камня на камне. Пытаешься создать хорошую, ясную картину на будущее?» Он поднял руку на колени и сделал быстрое движение вверх-вниз, чем вызвал смех остальных.

— Давайте, ребята, — вздохнул Козин. «Это всего лишь простой вопрос». Он уже знал ответ, но ему нужно было услышать его самому.

«Золотой и бледный, как у эльфа», — ответил Аспен. «Спускается волнами, которые напоминают ветер, пробирающийся сквозь высокую траву».

«У нас здесь чертов бард», — издевался шахтер. Аспен протянул руку, чтобы хлопнуть его. Козин запрокинул голову и допил остатки эля.

- Ребята, - сказал он, хлопнув кружкой, - это было настоящее удовольствие. Боюсь, мне пора двигаться дальше. Как говорит мой приятель, оседлый ведьмак - это голодный ведьмак.

«Мы с тобой здорово пили».

— Хорошо, — сказал старый шахтер, ударив обеими руками по столу и вставая. «А теперь хватит развлекаться, мальчики. Поднимите задницы и вернитесь в шахту вместе со своими собаками». Мужчины застонали. Их протесты были приглушены, когда дверь кабака захлопнулась за Козиным, и он свернул на улицу. С противоположной стороны к нему подошел человек, ведущий мула. Козин остановил его, чтобы спросить об Эмиле.

«Я слышал, его недавно отправили домой, потому что он заболел», — ответил мужчина, а затем повернул плечи, чтобы указать. «Живет вон там, всего в трех домах от этого». Обернувшись, пробормотал мужчина. «Всегда ненавидел эту улицу. Не нравится, как она идет в гору. Нехорошо, нехорошо». Он продолжал бормотать, уводя мула.

Козин следовал указаниям мужчины, не понимая, почему его сердце так колотилось, пока он шел по восходящей улице. Подойдя к дому, он услышал женский голос, доносившийся из дома, куда он направлялся. В ее голосе звучал ужас.

— ...мы делаем? — спросила она дрожащим голосом. «Они дают всего неделю, прежде чем ожидают возвращения шахтеров. Они скоро постучатся за ним».

«Сохраняйте спокойствие», — ответила другая женщина. Козин узнал ее голос. «Если они придут в себя, мы скажем им, что он слишком болен, чтобы даже стоять».

— А что, если они попросят войти?

Кайесса не ответила на вопрос женщины. Когда Козин подошел к входной двери, его обостренное чутье подсказало ему обо всех обитателях дома. Что-то выделялось, и это беспокоило его. Он поднял руку и дважды постучал в дверь. Он услышал, как женщина с Кайессой резко и испуганно ахнула.

Кайесса быстро успокоила ее. «Иди в комнату и закрой дверь», — сказала она женщине. «Я отвечу». За ее словами последовали быстрые, суетливые шаги. Те, что полегче, подошли к двери. Козин услышал щелчок задвижки, скрежет поворотной ручки и скрип открывающейся двери. Появилось лицо — лицо, которое он не видел девять лет.

При ее виде у него на кратчайшие мгновения перехватило дыхание. Она оказалась еще красивее, чем он помнил. Лицо ее утратило детскую округлость. Время мягко заострило черты ее лица и придало щекам мягкие склоны. Ее волосы, все еще бледно-золотые, были частично завязаны сзади, а остальная часть волнами спадала по спине. Свободная белая блузка обвивала ее руки, открывая обнаженные плечи, а темно-коричневый мини-корсет прикреплял струящуюся ткань к талии. Белая линия проходила через ее грудь, чуть ниже ключиц — шрам от того места, где ее когда-то поцарапал грифон.

Она выглядела еще более потрясенной, увидев мужчину, стоящего перед ней. Ее рот открылся, но затем она быстро закрыла его, чтобы ахнуть: «Козин?»

Ведьмак улыбнулся ей, вдыхая сладкие ванильные духи. «Привет, котенок», — поздоровался

он. Он заметил, как пальцы Кайессы побелели на двери.

«Я... я не ожидала увидеть тебя здесь», — призналась она, и ее лицо покраснело.

— Я тоже, — ответил Козин, подавляя желание провести пальцами по розовым щекам. Он бросил быстрый взгляд через плечо. — Не возражаешь, если я вмешаюсь, девочка?

«Эм...» Кайесса ответила беспокойно. — Я... я занят, Козин. Здесь шахтер с черным легким. Я правда не могу позволить... Козин внезапно оборвал ее, схватив за плечи и отведя от двери, когда он вошел. Послышался щелчок, когда дверь за ними закрылась. Взмолвленная, Кайесса посмотрела на мужчину, возвышавшегося над ней. «Козин!» она вскрикнула.

Игривая ухмылка исчезла с лица ведьмака, когда его брови упали на прищуренные глаза. Здесь было что-то очень неправильное, и он больше не мог откладывать решение этой проблемы. — Кайесса, — торжественно начал он, пристально глядя на блондинку. «Объясните мне, почему в доме мертвец».

Держи меня, сладкая и низкая, маленькая девочка.

Держи меня, сладкий и низкий, и я отнесу тебя домой

Держи меня, сладкая и низкая, маленькая девочка.

Держи меня

И я отвезу тебя домой

«Сладкий и низкий» — Августана

<http://tl.rulate.ru/book/100012/3465496>